

От кончика носа повеяло едва уловимым ароматом, необычайно тонким и свежим.

Хэ Цзысюань слегка опустил веки, и его взору предстал изящный, белоснежный изгиб шеи.

На мгновение ему стало трудно дышать.

Хэ Цзысюань чуть откинулся назад, переводя взгляд на длинные пальцы, которые почти полностью скрывали его собственные ладони.

Под его руководством все ошибки в игре Е Цзэ были исправлены одна за другой.

— Вот так, именно так, — подтвердил он.

Затем Хэ Цзысюань медленно убрал руки и остался стоять в стороне, наблюдая за тем, как эти руки, достойные называться произведением искусства, танцуют по клавишам.

Наконец, доиграв музыкальную пьесу до конца без единой запинки, Е Цзэ остался весьма доволен собой.

Он повернулся к Хэ Цзысюаню и поинтересовался:

— Ну как, неплохо?

Единственный слушатель не поскупился на похвалу:

— Ты великолепен.

Е Цзэ слегка улыбнулся, глядя на черно-белые клавиши, и вдруг произнес:

— У меня когда-то было много мечтаний.

Хэ Цзысюань уловил уточняющее слово в его фразе:

— Почему ты говоришь «когда-то»?

Е Цзэ легонько постучал пальцами по клавишам, и в комнате разлились легкие, прозрачные звуки фортепиано:

— Потому что все они уже сбылись.

— А что теперь?

Этот вопрос заставил его улыбнуться еще шире:

— Если однажды ты услышишь мою песню в любом уголке этого мира, это будет означать, что я воплотил свою нынешнюю мечту.

Хэ Цзысюань ответил:

— Надеюсь, этот день настанет скоро.

Е Цзэ усмехнулся:

— Конечно, так и будет. Хэ Цзысюань, а расскажи о своих мечтах.

— У меня? — в темных, всегда спокойных глазах Хэ Цзысюаня промелькнуло замешательство.
— Я никогда не задумывался об этом.

Е Цзэ удивился:

— А что же ты тогда писал в своих школьных сочинениях?

— В сочинениях я писал о мире во всем мире, защите родины и тому подобном.

Е Цзэ:

— ...Скажи мне, что на это ответил твой учитель?

Хэ Цзысюань не стал отвечать, попытавшись отмолчаться, окутав себя завесой таинственности.

Е Цзэ не удержался от смеха:

— И не скажешь, что у тебя сердце спасителя мира.

Хэ Цзысюань:

— ...

Когда эта тема была исчерпана, Е Цзэ спросил:

— Кстати, ты просил меня стать твоим натурщиком. Почему именно я?

Хэ Цзысюань вспомнил свои ощущения, когда сегодня в обеденный перерыв взялся за кисть, и, глядя на него, сказал:

— На самом деле, я не мастер рисовать людей. Но стоит мне посмотреть на тебя или просто подумать о тебе, как я начинаю творить сверх своих возможностей. — Он помолчал, и этот обычно немногословный юноша добавил с легкой иронией: — Если использовать метафору, то ты — моя муза. Понятно?

Е Цзэ промолчал, а спустя мгновение холодно усмехнулся:

— ...Что ж, это великая честь.

Хэ Цзысюань даже одобрительно кивнул, всем своим видом показывая: у тебя отличный вкус.

Е Цзэ:

— ...

После окончания сегодняшнего выступления Е Цзэ закинул гитару за спину и неспешно вышел через заднюю дверь бара.

Небо было хмурым, вдалеке гремел гром, и несколько капель дождя упали на открытую кожу Е Цзэ.

Дождь быстро усилился. Холодный ветер конца сентября, смешанный с крупными каплями, пробирал до костей.

Е Цзэ ускорил шаг и зашел в ближайшую кофейню, где принялся вытирать салфеткой капли дождя с чехла гитары.

Тонкий аромат кофе проникал в ноздри, а легкая, приятная фортепианная музыка, казалось, смывала всю усталость случайных прохожих.

Кофейня была небольшой, свободными оставались лишь два столика.

Е Цзэ выбрал место у окна, заказал капучино и стал ждать, когда утихнет ливень.

Музыка — удивительная вещь. Одно лишь причудливое сочетание и наложение нот способно рождать мелодии, затрагивающие самые тонкие струны души.

Некоторое время назад Е Цзэ, поддавшись порыву, попробовал вложить духовную силу в игру на фортепиано и с удивлением обнаружил, что частота его духовных волн начала колебаться в такт музыке.

Мало того, он остро почувствовал, что музыка, наделенная духовной силой, обретает некую неведомую мощь!

Это открытие принесло ему восторг первооткрывателя.

За все время, что Е Цзэ провел в различных игровых мирах, он почти никогда не использовал свою духовную силу, кроме как в бою, ведь именно она и была той энергией, что поддерживала его существование в виртуальности.

Игровая компания «Творение» была одной из лучших на Имперской звезде. Е Цзэ удалось всего за пять лет выделиться из шести тысяч тестеров и стать самым молодым золотым тестером компании, что было невероятно трудно.

Его главным преимуществом были не острая наблюдательность, проницательность или почти полное равнодушие к чувствам, а мощная духовная сила. Уровень духовной силы определял, сколько человек может пробыть в игровом мире и какова будет разница во времени между игрой и реальностью.

Тестер с уровнем духовной силы S мог оставаться в игре минимум пятьдесят лет, что в реальности составляло всего двадцать пять дней.

Духовная сила Е Цзэ позволяла ему находиться в игре более пятисот лет, тогда как в реальности проходило всего три месяца.

Конечно, чтобы не раскрывать истинный уровень своей силы, Е Цзэ ориентировался на высший рекорд тестеров S-класса: 497 лет игрового времени за 100 реальных дней.

В XXIX веке высшим известным уровнем духовной силы был SSS. В Межзвездном альянсе было всего семеро таких людей, и Е Цзэ в их число не входил.

Он отчетливо помнил, что в восемнадцать лет его уровень был лишь S — не гениальный результат, но достаточный, чтобы пройти порог факультета восстановления духовной силы в Первом военном училище Имперской звезды.

Однако странно было то, что на втором курсе, во время случайного тестирования, выяснилось, что его уровень достиг SSS!

Ученые утверждали, что после восемнадцати лет духовная сила не растет.

К тому же, для самого Е Цзэ этот рост не был хорошей новостью.

С тех пор как в XXIV веке человечество вступило в Межзвездный альянс, галактический сектор под его управлением подвергался нападениям инопланетных существ не менее тысячи раз!

Чтобы защитить территории человечества, законы Великого Содружества обязывали всех, чей уровень духовной силы был SS и выше, идти на военную службу.

Е Цзэ помнил, что его родители были военными и оба погибли в войне с пришельцами. В тот год, когда он остался сиротой, он запомнил последние слова отца:

— Никогда не иди в армию.

— Клянись именем Великого Содружества, никогда не иди в армию!

Почему нельзя? Почему не позволить ему самому отомстить?

В его сердце было столько сомнений, столько эмоций, рвущихся наружу.

Но отвечать на его вопросы было некому, а его боль и гнев не могли стать клинком для уничтожения захватчиков.

Е Цзэ сжал губы, глядя на улицу за окном.

— Прошу прощения, ваш капучино.

Голос официанта вернул его к реальности.

Е Цзэ тихо поблагодарил и вдохнул густой кофейный аромат.

Когда он медленно помешивал напиток серебряной ложечкой, рядом раздался нежный голос:

— Привет, можно я присяду напротив?

Девушка в длинном платье в стиле бохо, с волосами до пояса, смущенно улыбалась.

Е Цзэ кивнул:

— Пожалуйста, садитесь.

Заказав кофе и десерт, девушка то и дело украдкой поглядывала на изящного юношу напротив.

Набравшись смелости, она наконец произнесла:

— Знаешь... меня зовут Бо Лулу, я твоя поклонница.

Е Цзэ приподнял бровь:

— Я Е Цзэ. Рад, что тебе нравится мое пение.

Получив ответ, Бо Лулу перестала стесняться. Она ярко улыбнулась:

— Ты выглядишь совсем юным, ты еще несовершеннолетний?

Е Цзэ кивнул:

— Да, учусь в первом классе старшей школы.

Бо Лулу округлила глаза:

— Значит, владелец бара использует детский труд?

Е Цзэ рассмеялся и приложил палец к губам:

— Это секрет.

Бо Лулу покраснела:

— Я... я поняла.

Ливень не утихал, но атмосфера между юношей и девушкой становилась все более непринужденной.

— Шурх...

Карандаш скользил по бумаге, почти бесшумно.

Хэ Цзысюань поднял глаза и посмотрел на юношу, который спал, положив голову на стол — сцена в точности повторяла то, что он только что запечатлел на бумаге.

Эта студия на третьем этаже девятого корпуса была личной мастерской Хэ Цзысюаня. Поэтому во время обеденного перерыва они с Е Цзэ часто отдыхали здесь, в кабинете 9316.

Теплый ветерок колыхал простые шторы, а затем ласково коснулся мягких черных волос спящего.

Ресницы Е Цзэ дрогнули, и он медленно открыл глаза. Похоже, яркий свет был ему неприятен, он снова зажмурился, а затем открыл их окончательно.

Он выпрямился и посмотрел на красивого юношу, стоявшего перед мольбертом. Тот был так увлечен рисованием, что даже не заметил, как его натурщик сменил позу.

Е Цзэ спросил:

— В школе вроде бы намечается конкурс набросков, не хочешь поучаствовать?

Хэ Цзысюань закончил последний штрих и ответил:

— Не интересно.

Е Цзэ не любил лезть в душу, поэтому просто улыбнулся:

— Верно. Если ты пойдешь, остальным там делать нечего.

Его мягкая похвала смягчила холодное выражение лица Хэ Цзысюаня. Убрав принадлежности, тот заметил:

— Ты выглядишь очень уставшим в последнее время.

— Заметил, да? — Е Цзэ улыбнулся. — В последнее время нахлынуло вдохновение, иногда пишу музыку и тексты до самого рассвета, вот днем и чувствую себя неважно.

— Что, встретил свою музу? — Хэ Цзысюань сказал это просто так, но, к его удивлению, лицо Е Цзэ слегка покраснело, и он с неловкостью, но радостью кивнул.

Он правда кивнул!

Он признался!

На душе у Хэ Цзысюаня стало беспокойно. Пожелать счастья он не мог, но и показывать недовольство было бы неуместно.

— Где вы познакомились?

Е Цзэ с улыбкой ответил:

— В кофейне. Но она сказала, что влюбилась в меня с первого взгляда, когда увидела в баре.

Хэ Цзысюань хмыкнул, но в голове промелькнула мысль: раз та девушка ходит по барам, вряд ли она из тихонь.

— Стоп! Как она могла увидеть тебя в баре? — Хэ Цзысюань уловил суть и удивленно спросил.

Е Цзэ улыбнулся:

— Я там подрабатываю пением. Сегодня как раз выступление с шести до девяти вечера. Хочешь прийти посмотреть?

Он пригласил свою цель.

Мог ли Хэ Цзысюань отказаться?

Конечно, нет.

— Пропустить выступление будущего короля музыки — это было бы досадным упущением.

<http://bllate.org/book/21636/2232509>